

ную — то есть выраженную не в самом высказывании, а выраженную высказывающим утверждение, — мы сразу попадем в круг парадокса. Искусство (в отличие от философии) к математике никогда не прибегало. (За единственным, может быть, исключением — рисунков Маурица Эшера.) Поскольку как раз искусство, в точности так же, как и математика, оперирует формальным в объекте — то есть только тем, что есть в высказывании, только тем, что оговорено в тексте или условии. Ничего другого читатель, вообще говоря, не знает. Если он и домысливает нечто содержательное — оно уже за пределами текста, и автор за это ответственности не несет. Иван использует эстетическое доказательство этической теоремы. Он проводит формальную демонстрацию (не доказательство, конечно, а «показательство»). И эта демонстрация оказывается предельно убедительной.

Начинает Иван опять-таки с допущения. Если в доказательстве невозможности существования мира он допускал существование справедливости (и пришел к фундаментальному противоречию с «невинностью детей»), то теперь он допускает существование абсолютной свободы, при этом свободы, имеющей трансцендентную санкцию. Великий инквизитор встречается с Христом. То есть получает предельно конкретное, воплощенное подтверждение трансцендентной свободы.

Что доказывает инквизитор? Во-первых, ненужность этой свободы, ее избыточность для такого ограниченного существа как человек. Во-вторых, возможность реализации другой, более простой и понятной подавляющему большинству (кроме «ста тысяч страдальцев», знающих истину) морали. Это пример социального эксперимента, причем в самом его жестком виде. Например, в социальном эксперименте, поставленном в Советском Союзе, его руководители все-таки разделяли «классовую мораль», и эта «мораль» имела вполне имманентный характер. Главные инструменты великого инквизитора — хлеб; чудо, тайна и авторитет; всемирная власть, которая объединяет в себе контроль над хлебом земным и выдает суррогат хлеба небесного. Христос эти инструменты отверг, а вот великому инквизитору они вполне подошли, и он утверждает, что только с их помощью и возможно построить справедливое по земным меркам, равновесное — устойчивое общество.

Сама эта схема предельно рациональна. Трансцендентная свобода признается безусловно существующей и является смысловым ядром, которое обеспечивает в конечном счете существование и единство бытия. Мир, в котором живут избранные, — это мир, основанный на абсолютной аксиоматике свободы, это трудный мир, в частности потому, что он принципиально неимманентен — он требует непрерывного усилия веры. Но избранные могут построить для большинства замкнутый и непротиворечивый легкий мир, где свободу заменит вера в тайну и авторитет. Избранные формулируют аксиомы, правила вывода и язык описания для мира, в котором живет большинство. При этом избранные оперируют высказываниями на *метаязыке* по отношению к логике масс. И потому логика большинства может быть выстроена полностью корректно и непротиворечиво — она может быть сведена к исчислению синтаксически правильных высказываний, которые основаны на данных избранными аксиомах, но сами эти аксиомы на языке масс невыводимы — они абсолютны. Как показало развитие логики уже в XX веке, в частности работы Чёрча¹⁵, именно такая структура логики позволяет избавиться от внутренних противоречий. Сам метаязык также может быть формализован, но для его описания потребуется язык еще более высокого уровня и т. д. Иван предлагает не строить башню логик, уходящую в дурную бесконечность, а сформулировать абсолютную аксиоматику и на ней выстроить систему языков своего рода методом спуска.

Это та единственная форма мира, которую Иван соглашается гипотетически принять. Для того чтобы мир был хорошо упорядочен, достаточно,

¹⁵ Чёрч А. Введение в математическую логику. М., «Издательство иностранной литературы», 1960, стр. 48 — 49.